

НЕЗАВИСИМАЯ

Независимая газета КАРТ-БЛАНШ

http://www.ng.ru/kartblansh/2019-02-14/3_7508_kart.html

14.02.2019 19:45:00

ПУТИН И МИФ

Почему статья Владислава Суркова – это попытка эпитафии действующему президенту, зачитанная вслух перед политическим истеблишментом

Василий Щипков

Об авторе: Василий Александрович Щипков – доцент МГИМО, директор Русской экспертной школы.

Фото сайта kremlin.ru

Политический деятель Владислав Сурков на днях опубликовал статью [«Долгое государство Путина»](#). Политик и его публичные тексты суть одно целое. Это значит, что оценка политического текста требует внимания и к его тезисам, и к фигуре самого автора.

Дифирамбы «путинизму» при жизни Путина – это попытка эпитафии действующему президенту, зачитанная вслух перед политическим истеблишментом.

Под звуки фанфар автор вынимает Путина из политической реальности и символически выносит его за ее рамки – в неопределенное прошлое и неопределенное будущее. Этот метод называется маргинализацией. Читателю предлагают подумать о Путине как о мифологическом герое. Путин у Суркова не только не путинист, но уже и не Путин, а лишь мираж. Статья превращает Путина из действующего политика в памятник.

Сурков – первый из российских политиков, кто перевел тему «Россия после Путина» из прогностической плоскости в политическую.

В статье почти нет оригинальных идей, что вполне допустимо для политического текста. Сурков перечисляет тезисы, которые стали нормой в российской публицистике и политической риторике после перелома 2014 года: конец истории не состоялся; остановлен распад России; народ склонен к консолидации; международный авторитет России по факту высок; глобализация буксует. Сурков не выходит за рамки этого дискурса. Он конструирует свою новую схему из «возможного». Действует как технолог.

В настоящее время и в России, и на Западе глобальный политический истеблишмент ищет технологии, позволяющие упаковать либеральные идеи в новую форму, чтобы сохранить существующую систему перераспределения благ и власти в мире. После 2014 года в России на коленке был создан либеральный консерватизм – либерализм, одетый в консервативное платье. Эта мера является временной, поэтому Сурков, как и в своих предыдущих статьях, видит спасение либеральной системы в более смелом использовании постмодернизма в политике, который действует словно поверх любых ценностных и нравственных систем. В качестве базового принципа политической системы России Сурков предлагает постмодернизм, поданный в консервативной стилистике.

«Путинизм» Суркова является пустым контейнером, который можно заполнять по желанию. Главное, что в нем нет Путина, есть только одно его имя, что означает конец выстроенных внутривнутриполитических балансов и правил.

Отделение формы от содержания, деконструкция и ремифологизация устоявшихся явлений составляют основу постмодернистского метода. Этот метод получил свое название в XX веке, но возник раньше – вместе со средневековой номиналистской теологией, которая отделила философию от богословия, знание от веры, а предметы от их стоимости. Человек под лестные речи о его совершенстве был оторван от традиции, то есть от самого себя, и стал объектом конструирования и деконструирования. Это открыло дорогу секулярному просвещению, обслуживающему глобальный рынок.

Сурков вслед за идеологами секулярного просвещения, вслед за постмодернистами XX века действует номиналистски. Он использует слова как знаки, не имеющие реального смысла и самостоятельного бытия. Путин, Россия, народность («народность, что бы это ни значило...») – это условности, за которыми ничего не стоит. Это позволяет представить мир однослойным и «имманентным», то есть замкнутым в себе. Это позволяет семиотику поставить выше семантики, технологии – выше ценностей и в результате открыть перед политтехнологами возможность вольно экспериментировать над любыми понятиями и смыслами, в том числе священными для народа.

Автор, конструируя свою трактовку сегодняшней политической реальности, исключает из нее не только живого Путина, но и ключевую тему путинской политической повестки последних лет – тему традиции, нравственности и ценностей, которая в нынешнем общественном словаре присутствует как «традиционные нравственные ценности» и включает конкретные культурные, исторические и религиозные основания русской цивилизационной идентичности. Этот ракурс позволяет смотреть на политический процесс и на Россию прозрачно и недвусмысленно.

Сурков пакует идею исторической России в концепцию «глубинного народа», которая так же маргинализирует и лишает субъектности русских, как «путинизм» – Путина. «Глубинный народ» – это старый тезис о том, что русский народ темный, иррациональный, «себе на уме». Этот стереотип о загадочной русской душе является частью колониалистского дискурса о чужом и загадочном «Востоке», наполненном золотом, слоновой костью и нефтью. Если ты колонизатор, народ для тебя всегда тяжелая «масса», «придавливающая к земле». Если ты часть своего народа, он не выглядит для тебя ни загадочным, ни глубинным. Это ты и есть.

Глубинному народу автор противопоставляет глубинное государство, уверяя: «Глубинного государства в России нет». Однако оно есть. Потому что глубинное государство на Западе и в России – это одно и то же глубинное государство, которое не имеет географических границ так же, как не имеет границ правовых и нравственных. Путин начал восстанавливать суверенитет России с противостояния этому глубинному государству как путем прямого столкновения, так и посредством сдерживания и балансов.

Статья превращает реальный образ Путина в отстраненный исторический миф.

Но рано провожать Путина.